

ЭВОЛЮЦИЯ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ «НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО» В БЕЛАРУСИ

Изучается эволюция меры уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в Беларуси для формирования единого представления об указанной мере со времени ее возникновения, получения информации о недостатках и достоинствах государственного принуждения через наложение ареста на имущество. Цель научного исследования объективно обусловлена необходимостью анализа исторического опыта для определения направлений дальнейшего совершенствования наложения ареста на имущество, являющегося одним из самых эффективных инструментов процессуального принуждения современности.

V. P. ZAITSEV

EVOLUTION OF THE CRIMINAL PROCEDURAL COERCION MEASURE “SEIZURE OF PROPERTY”

The evolution of the measure of criminal procedural coercion in the form of seizure of property in Belarus is examined in order to form a uniform understanding of this measure since its establishment, as well as to obtain information about advantages and disadvantages of state coercion in the form of seizure of property. The research objective is determined by the need to analyze historical experience for the sake of identifying directions of further evolution of seizure of property as one of the most effective tools of procedural coercion.

ЗАЙЦЕВ

Владимир Петрович,

адъюнкт научно-педагогического факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, майор милиции

Введение

Анализ научной литературы показал, что отдельных диссертационных и монографических исследований по проблемам современной уголовно-процессуальной меры принуждения «наложение ареста на имущество» в Республике Беларусь не проводилось. Более того, с 2017 года вступила в силу значительно расширенная редакция ст. 132 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Республики Беларусь, требующая, на наш взгляд, особого научного внимания. Белорусские ученые затрагивали вопросы наложения ареста на имущество лишь касательно. Предметным же изучением рассматриваемого нами уголовно-процессуального инструмента занимались советские, российские процессуалисты. При этом мнения и советских, и белорусских, и российских ученых (Г. В. Аршба, Д. В. Гранин, П. В. Гридюшко, В. А. Ионов, В. Б. Искандиров, В. В. Мелешко, В. М. Савицкий, И. Б. Тутынин, В. И. Ханжин, А. А. Чувилев, Н. А. Якубович) указывают на значимость рассматриваемой нами уголовно-процессуальной меры принуждения в обеспечительном и праввосстановительном направлениях уголовного процесса. Однако отдельные проблемы восприятия содержания уголовно-процессуального ареста имущества сдерживают процессы его совершенствования в условиях современного, динамично развивающегося общества.

Важность безошибочного понимания сущности меры принуждения в виде уголовно-процессуального наложения ареста на имущество обуславливает необходимость изучения указанной меры не только в условиях современности, но и в историческом аспекте, что позволяет

проследить ход ее эволюции, нужный для дальнейшего совершенствования. Изучение исторического опыта позволит выявить предпосылки и закономерности развития изучаемой меры, что может быть использовано в прогнозировании направлений ее дальнейшей адаптации в условиях современной правовой среды.

Принимая во внимание изложенное, проведение изучения эволюции уголовно-процессуальной меры принуждения «наложение ареста на имущество» видится актуальным.

Основная часть

Впервые мера уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в сформированном виде появилась в Беларуси в 1864 г. в Уставе уголовного судопроизводства (далее – Устав), когда белорусские земли входили в состав Российской империи. Утверждать это позволили следующие обстоятельства. Во-первых, Устав носил исключительно уголовно-процессуальный характер. Во-вторых, им определялось точное название меры уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество. Более того, в указанном памятнике права, пусть и не отчетливо, но просматривались цели и содержание изучаемой нами меры, что позволило констатировать первое закрепление уголовно-процессуального наложения ареста на имущество именно в Уставе.

Наложение ареста на имущество регламентировала ст. 268 Устава: «Когда по обстоятельствам дела судебный следователь удостоверится в необходимости принять безотлагательно меры к обеспечению могущего пасть

на обвиняемого денежного взыскания или иска о вознаграждении за вред и убытки, причиненные его действиями, то о наложении запрещения или ареста на имение обвиняемого входит с представлением в окружной суд». По мнению П. В. Гридюшко, признавая существенное ущемление прав обвиняемого при применении данной меры, законодатель наделил правом принимать такое решение лишь суд [1, с. 15]. При этом вопрос определения необходимости обеспечения возможного денежного взыскания или иска о возмещении причиненных преступлением вреда и убытков через наложение запрещения или ареста на имение обвиняемого находился не только в рамках компетенции судебного следователя, но и в плоскости его процессуальной самостоятельности. Подтверждением указанного служила ст. 1159 отделения 3 главы 1 раздела 4 книги 3 Устава: «При производстве предварительного следствия судебный следователь обязан в указанных законом случаях (ст. 268 Устава) входить с представлениями в суд об обеспечении следующего в казну взыскания, не ожидая особого ходатайства казенного управления» [2, с. 236].

В XIX веке серьезное внимание наложению ареста на имущество уделялось и за рубежом. Так, в ст. 465 главы 2 отделения 4 Устава уголовного судопроизводства Франции 1808 г. (далее – УУС Франции) говорилось: «Когда, по постановлению отдающего под суд приговора, подсудимый не мог быть пойман, или не явился добровольно в течение 10 дней по объявлении ему упомянутого приговора в его местожительстве, или когда подсудимый хотя и явился добровольно, или был пойман, но после того скрылся; тогда президент суда ассизного (председатель суда присяжных), а за его отсутствием, президент суда первой степени, а за неимением того и другого, – самый старший из судей этого суда, дает предписание, заключающее в себе приказание, по которому подсудимый обязан явиться в продолжение вновь назначенного ему 10-дневного срока, с присовокуплением, что ежели он не явится, то будет объявлен лицом, противящимся закону, что он будет лишен права пользоваться гражданскими правами, что его имущество будет секвестровано (установлен запрет или ограничение на использование или распоряжение) во время производства об укрытии...» [3, с. 100]. В содержании приведенной статьи четко просматривается инструмент уголовно-процессуального принуждения в виде установления ограничений в отношении имущества подсудимого, уклоняющегося от порядка ведения уголовного судопроизводства.

В соответствии с § 325 отдела 8 книги 2 Устава уголовного судопроизводства для Германской империи 1877 г. «Если нужно, по усмотрению судьи, для покрытия могущего упасть на обвиненного наивысшего денежного наказания и издержек производства, то отдельные предметы, принадлежащие к имуществу обвиненного, могут быть подвергнуты аресту. К этому аресту имеют соответственное применение положения устава гражданского судопроизводства об исполнении и последствиях ареста вещей. Арест отменяется, если основание его устранено». В соответствии с § 326 того же Устава «Если обеспечение порядком предыдущего положения оказывается неисполнимым, то по определению суда может быть

наложено запрещение на имущество обвиненного, находящееся в Германской империи. Определение публикуется в “Немецком Имперском Вестнике” и по усмотрению суда также в другой газете. Распоряжения, которые предпримет обвиненный в отношении своего имущества, подвергнутого запрещению, со дня первой публикации определения в “Немецком Имперском Вестнике”, для государственного казначейства ничтожны. Запрещение с имущества снимается, как скоро основание его устранено, или когда обеспечение государственного казначейства достигнуто посредством ареста порядком § 325. Снятие запрещения объявляется в тех же газетах, в которых запрещение было опубликовано» [4, с. 64–65].

Сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуальных норм Франции, Германской и Российской империй, связанных с рассматриваемой нами мерой принуждения, позволяет сделать вывод о рецепции уголовно-процессуальной мысли Запада разработчиками Устава русского имперского государства, частью которого являлась Беларусь. Обобщая, речь здесь можно вести об участии суда в вопросах наложения ареста на имущество, о защите имущественных прав нетрудоспособных, находящихся на иждивении лиц, имущество которых было подвергнуто аресту, о вопросах отмены наложения ареста на имущество и пр.

После Октябрьской революции, в период гражданской войны и иностранной военной интервенции (1917–1922 гг.), на смену прежнему законодательству стало приходить законодательство нового порядка. В эти годы уголовно-процессуальные нормы децентрализовано содержались в переходного характера декретах, постановлениях, положениях, иных нормативных актах постреволюционной власти. При этом органам уголовного преследования и суду не воспрещалось применять уголовно-процессуальные нормы монархической эпохи, за исключением случаев их несоответствия требованиям сформировавшегося советского правосудия и противоречия правосознанию пролетариата. Сложность с политической и экономической точки зрения переходного периода порождала причины и условия совершения большого количества преступлений. Противодействие им требовало не только соответствующего комплекса наказаний, но и актуальной системы мер уголовно-процессуального принуждения, место в которой абсолютно обоснованно, на наш взгляд, принадлежало прототипу современного наложения ареста на имущество.

Статья 9 Положения о военных следователях, утвержденного и введенного в действие приказом Реввоенсовета Республики от 30 сентября 1919 г. № 1595, определяла наложение ареста на имущество обвиняемого: «Когда по обстоятельствам дела явится необходимость принять безотлагательно меры к обеспечению могущего упасть на обвиняемого денежного взыскания или требования о возмещении вреда и убытков, причиненных его действиями, военный следователь имеет право наложить арест на имущество обвиняемого, об утверждении какой меры немедленно входит с представлением, по принадлежности, в подлежащий революционный военный трибунал или коллегия военных следователей, уведомляя о сем в то же время начальство той воинской части,

к которой принадлежит обвиняемый, для принятия и сим начальством соответствующих мер в отношении имущества обвиняемого, находящегося в ведении военного начальства» [5, с. 104].

Следует отметить, что нормативными актами укрепляющейся советской власти через наложение ареста на имущество обеспечивались его реквизиция и конфискация. Одним из таких актов был декрет Совета Народных Комиссаров (далее – СНК) РСФСР от 17 октября 1921 г. «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» [6].

В п. 8 декрета говорилось, что «в случае обнаружения имущества, скрытого от реквизиции или подлежащего конфискации на основании сего декрета, милиция налагает на такое имущество предварительный арест». Согласно п. 9 при предварительном аресте имущества, подлежащего реквизиции или конфискации, должен был составляться особый акт, который в соответствии с п. 7 содержал: 1) указание законных оснований, по которым производился данный арест; 2) должность, имя, фамилия лица, осуществившего арест, и его полномочие; 3) имя, фамилия, местожительство владельца и местонахождение имущества; 4) кому имущество оставлено на хранение; 5) подробную и точную опись имущества с указанием веса, меры и рода упаковки. Такой акт подлежал немедленному направлению в надлежащее судебное или административное учреждение, которое не позднее трехнедельного срока было обязано объявить владельцу арестованного имущества свое решение о реквизиции, конфискации или освобождении арестованного имущества. Исходя из примечания к п. 5 декрета определялись предметы, на которые не мог быть наложен арест, а именно: предметы домашнего обихода, орудия мелкого или кустарного производства, если они служили средством к существованию и не являлись предметами эксплуатации труда, а также продукты питания, необходимые для личного потребления владельца арестуемого имущества и его семьи на срок не менее шести месяцев [7, с. 9–10].

После выхода части Беларуси из состава РСФСР и возникновения Белорусской Советской Социалистической Республики (далее – БССР), сопряженных с началом новой экономической политики (НЭП) и высоким уровнем преступности в этот период вызвало особую необходимость унификации уголовно-процессуальных норм, направленных на возмещение ущерба пострадавшим от преступных проявлений физическим и юридическим лицам. Именно поэтому разработка и принятие в 1923 г. первого УПК БССР положили начало очередного этапа в эволюции современной уголовно-процессуальной меры принуждения в виде наложения ареста на имущество.

Применение наложения ареста на имущество подразумевалось ст. 121, 121а УПК БССР 1923 г., при этом буквально о рассматриваемой нами мере процессуального принуждения речи не велось. В ст. 121 было указано: «Следователь вправе, по ходатайству гражданского истца или по собственной инициативе, принять меры обеспечения гражданского иска, если признает, что непринятие этих мер может лишить гражданского истца возможности получить возмещение понесенных вреда и убытков. Следователь, усмотрев, что потерпевшему причинены вред

и убытки и что есть основание ожидать предъявления гражданского иска, вправе принять меры обеспечения, хотя бы иск еще не был предъявлен». В соответствии со ст. 121а «Следователь для обеспечения исполнения приговора в случаях, если преступление, по обвинению в котором привлечено данное лицо или лица, влечет согласно Уголовному кодексу конфискацию имущества, вправе, как по своей инициативе, так равно и по предложению суда или прокурора, принять меры обеспечения против сокрытия этими лицами имущества» [8, с. 29]. Порядок и характер указанных мер обеспечения должен был определяться особой инструкцией (не разрабатывалась) Народного комиссариата юстиции (НКЮ). В качестве особой особенности применения вышеуказанных мер выделялся необязательный характер. Принятие мер было не обязанностью субъектов их применения, а правом.

В период действия первого Уголовно-процессуального закона БССР практика наложения ареста на имущество сложилась следующим образом. Применение указанной меры процессуального принуждения производилось в тех случаях, когда: а) непринятие этой меры могло лишить гражданского истца возможности получить возмещение причиненного ему вреда или понесенных им убытков; б) потерпевшему причинены вред или убытки и есть основание ожидать предъявления гражданского иска; в) данное лицо привлечено по обвинению в преступлении, которое согласно Уголовному кодексу каралось конфискацией имущества. В этом случае наложение ареста на имущество должно было гарантировать исполнение возможного приговора о конфискации. При этом арест мог налагаться лишь на имущество обвиняемых. Отступления от этого правила были установлены постановлением СНК СССР от 16 февраля 1933 г. в отношении дел о растратах и хищениях в торговых организациях, а также по делам о злоупотреблениях с продовольственными и промтоварными карточками, об обмеривании и обвешивании потребителей, о разбазаривании продовольственных и промышленных товаров, о спекуляции. По этим делам арест на имущество материально-ответственных лиц должен был налагаться следователем в момент возбуждения уголовного дела, т. е. до привлечения кого-либо в качестве обвиняемого. В соответствии с требованиями инструкции Прокуратуры СССР и НКЮ СССР от 17 ноября 1943 г. № 90/86 «О порядке изъятия, хранения и сдачи вещественных доказательств, ценностей и иного имущества органами расследования и судами» помимо вещественных доказательств и предметов, изъятых из частного оборота, следователь при наложении ареста на имущество обвиняемого в обеспечение возмещения причиненного материального ущерба или исполнения приговора о конфискации имущества должен был изымать ценности и ценные бумаги, сберегательные книжки, денежные суммы и особо ценное имущество. Все остальное описанное имущество, как правило, должно было сдаваться на хранение членам семьи владельца имущества по месту его нахождения или домоуправлению. При этом следователь должен был обеспечить сохранность описанного и сданного на хранение имущества, помещая его в особые хранилища (шкафы, комоды, сундуки и т. д.) и опечатывая их. Опись имущества во всех случаях должна была произ-

водиться на основании специального постановления следователя о наложении ареста на имущество обвиняемых. В случае надобности для участия в описи арестованных продуктов и промтоваров должны были приглашаться соответствующие сведущие лица [9, с. 167–172].

Прогрессивным правовым событием в истории наложения ареста на имущество в уголовном процессе Беларуси стало принятие более совершенного УПК БССР 1960 г. Его статья 136 «Обеспечение возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, и исполнение приговора в части конфискации имущества» гласила: «При наличии достаточных данных о причинении преступлением материального ущерба следователь, прокурор обязаны принять меры обеспечения предъявленного или возможного в будущем гражданского иска. При производстве по уголовному делу о преступлении, за которое может быть применено наказание в виде конфискации имущества, следователь, прокурор обязаны принять меры обеспечения против сокрытия имущества обвиняемого, могущего быть конфискованным» [9, с. 205]. Помимо возложения на субъектов наложения ареста на имущество обязанности применения данной меры принуждения сама мера получила особое место и свою детальную регламентацию. Так, в УПК БССР 1960 г. содержались отдельные ст. 174 «Наложение ареста на имущество», ст. 175 «Протокол выемки, обыска, наложения ареста на имущество», а также ст. 176 «Обязательность вручения копии протокола» главы 15 «Выемка, обыск, наложение ареста на имущество». Целями наложения ареста на имущество являлись: а) обеспечение гражданского иска; б) обеспечение возможной конфискации имущества (ч. 1 ст. 174). Наложение ареста производилось на имущество: а) обвиняемого; б) подозреваемого; в) лиц, несших по закону материальную ответственность за действия обвиняемого, подозреваемого; г) иных лиц, у которых находилось имущество, приобретенное преступным путем (ч. 1 ст. 174). В качестве процессуального основания применения наложения ареста на имущество Кодексом закреплялось мотивированное постановление (ч. 2 ст. 174). В ч. 3 ст. 174 законодатель предоставлял альтернативу: «Наложение ареста на имущество могло быть произведено одновременно с выемкой или обыском либо самостоятельно. Все описываемое в ходе наложения ареста имущество предъявлялось понятым и другим присутствующим лицам (ч. 4 ст. 174). Под другими присутствующими лицами понимались: 1) лицо, у которого производилось наложение ареста на имущество, или совершеннолетние члены его семьи; 2) представители жилищно-эксплуатационной организации, исполнительного комитета сельского или поселкового Совета народных депутатов; 3) представитель юридического лица, у которого производилось наложение ареста на имущество. Арест не налагался на предметы, необходимые для обвиняемого и лиц, находившихся на его иждивении (ч. 5 ст. 174). При этом исключений для имущества подозреваемого не имелось. Часть 6 ст. 174 регламентировала вопросы изъятия и передачи на хранение арестованного имущества, определялся круг субъектов хранения. Наложение ареста на имущество применялось уже и в отношении денежных вкладов, после чего производство по ним

каких-либо операций прекращалось (ч. 7 ст. 174). Отменялось наложение ареста на имущество постановлением следователя при условии, если в применении этой меры отпадала дальнейшая необходимость (ч. 8 ст. 174). Фиксация хода и результатов наложения ареста на имущество осуществлялась составлением одноименного протокола, требования к которому определялись ст. 175, а обязательность вручения его копии лицу, у которого было произведено наложение ареста на имущество, – ст. 176. Кроме того, протокол наложения ареста на имущество составлялся с соблюдением требований, предъявляемых к составлению протокола следственного действия [10, с. 218–223].

Анализируя положения о наложении ареста на имущество, содержащиеся в УПК БССР 1960 г., нужно остановиться на ст. 175, имеющей актуальность и в настоящее время. На наш взгляд, действующий УПК Республики Беларусь содержит название протокола фиксации наложения ареста на имущество, не в полной мере соответствующее содержанию этого процессуального действия. В современном УПК процедура наложения ареста на имущество документируется протоколом описи арестованного имущества, из названия которого следует умозаключение о формальном его составлении в отношении имущества, уже подвергнутого аресту. Это в свою очередь вступает в определенное противоречие с п. 34 ст. 6 УПК Беларуси, согласно которому протокол – это составленный в установленном порядке документ, в котором удостоверяются факт производства, содержание и результаты процессуальных действий. Таким образом, утратившее действие положение ст. 175 УПК БССР 1960 г. в части названия протокола фиксации наложения ареста на имущество, по нашему мнению, востребовано национальным уголовно-процессуальным законом сегодня. Использование «старой» нормы в условиях современности позволит придать процессуальное значение процедуре наложения ареста на имущество, оптимизировать работу правоприменителей.

С принятием УПК Республики Беларусь 1999 г. и внесенными в него изменениями (последнее изменение, касающееся наложения ареста на имущество, внесено 18.07.2017) наложение ареста на имущество в уголовном процессе Беларуси регламентировано в современном его виде. Сегодня иным мерам уголовно-процессуального принуждения, включая наложение ареста на имущество, посвящена отдельная глава 14 «Иные меры процессуального принуждения». А сформированный институт рассматриваемой нами меры уголовно-процессуального принуждения помещен в ст. 132 «Наложение ареста на имущество» УПК Республики Беларусь, которая закрепляет основания, цели, субъекты, круг лиц, имущество которых подлежит аресту, виды имущества, подлежащего наложению ареста, процессуальный порядок, изъятие, хранение арестованного имущества, случаи неприменения указанной меры процессуального принуждения, отмену и обжалование применения наложения ареста на имущество и состоит из 19 частей и примечания [11, ст. 132].

Заключение

Подводя итог в рассмотрении процесса эволюции меры уголовно-процессуального принуждения «наложение ареста на имущество» в Беларуси, можно сказать, что ему были присущи изменения расширительного и адаптивного характера. Эти изменения затронули вопросы субъектов и объектов, оснований и условий, порядка проведения и отмены наложения ареста на имущество, изъятия и хранения арестованного имущества и т. д. Уголовно-процессуальное наложение ареста на имущество в Беларуси прошло путь от инструмента монархической гарантии восстановления прав участников уголовного судопроизводства в многонациональной федерации до меры обеспечения возмещения ущерба (вреда), причиненного преступлением, взыскания дохода, полученного

преступным путем, гражданского иска, других имущественных взысканий, возможной конфискации имущества, специальной конфискации в небольшом суверенном государстве.

Проведенный анализ позволил выявить отдельные направления рецепции достижений зарубежной правовой мысли, что указывает на необходимость постоянного мониторинга норм современного зарубежного уголовно-процессуального законодательства с целью совершенствования национального, дал возможность связать социально-политические процессы с предпосылками совершенствования наложения ареста на имущество, установить достоинства уголовно-процессуальных нормативных правовых актов, утративших свою силу, но которые могут быть использованы в условиях современности.

Список использованных источников

1. Гридюшко, П. В. Теория и практика применения иных мер уголовно-процессуального принуждения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / П. В. Гридюшко. – Минск, 2004. – 155 л.
2. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1984–1991 гг. – Т. 8 : Судебная реформа / редкол.: Б. В. Виленский (отв. ред.) [и др.]. – 1991. – 496 с.
3. Устав уголовного судопроизводства Франции / пер. Н. Неклюдова. – СПб. : Типография Правительствующего Сената, 1860. – 132 с.
4. Устав уголовного судопроизводства для Германской империи с Законом о введении его в действие от 1 февр. 1877 г. / пер. Ив. Соболева. – СПб. : Типография и хромолитография А. Траншеля, 1878. – 120 с.
5. Гусев, Л. Н. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917–1954 гг. : Сборник документов / сост. доц. Л. Н. Гусев ; под ред. чл.-кор. Акад. наук СССР С. А. Голунского. – М. : Госюриздат, 1955. – 636 с.
6. О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ : Декрет Совета нар. комиссаров РСФСР, 17 окт. 1921 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1921. – № 70. – Ст. 564.
7. Иванов, А. Н. Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве : моногр. / А. Н. Иванов, Е. С. Лапин. – М. : Юрлитинформ, 2007. – 152 с.
8. Крымінальна-працэсуальны кодэкс БССР : са зменамі і дадаткамі на 1 студз. 1935 г. – Мінск : Выд. НКЮ БССР, 1935. – 86 с.
9. Тарасов-Родионов, П. И. Предварительное следствие : пособие для следователей / П. И. Тарасов-Родионов. – М. : Юрид. изд-во, Центр. тип. им. Ворошилова, 1946. – 196 с.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР : 29 дек. 1960 г. СЗ БССР, 1961 г., № 1, ст. 5 : принят четвертой сессией Верховного Совета БССР пятого созыва : официальный текст с изменениями и дополнениями на 1 апреля 1985 г. – Минск : Беларусь, 1985. – 368 с.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

05.09.2018